

**Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.**

Константин Симонов

Чужая тень

Драма в четырех действиях,
шести картинах

ФТМ

УДК 82-2
ББК 84(2Рос)-6
С37

*Файл книги для электронного и PoD-издания
подготовлен ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»*

Симонов, К. М.

С37 Чужая тень : Пьеса / Константин Симонов. — М.: Агентство ФТМ, Лтд. — 138 с. (Библиотека драматургии Агентства ФТМ, Лтд.).

ISBN 978-5-4467-2325-6

Главный герой пьесы — глава крупного бактериологического института, талантливый ученый Сергей Александрович Трубников. Посвятив свою жизнь исследованию опасных инфекционных болезней, он много раз рисковал жизнью, проверяя изобретенные препараты прежде всего на самом себе, так что поводов сомневаться в его мужестве нет. Но не устояв перед грехом тщеславия и не посоветавшись предварительно с коллегами по институту, Трубников посылает секретные разработки в Америку, в расчете на издание собственной книги за границей. Столкновение противоположных взглядов на соотношение гуманизма и науки, на то, стоит ли наука выше политических интересов, и составляет основной конфликт пьесы.

ISBN 978-5-4467-2325-6

© Симонов К. М.,
наследники, 2016
© Агентство ФТМ, Лтд., 2016

Действующие лица

Сергей Александрович Трубников.

Ольга Александровна Трубникова.

Елена Сергеевна Трубникова.

Андрей Ильич Макеев.

Семен Никитич Саватеев.

Марья Трофимовна Саватеева.

Григорий Иванович Рыжов.

Федор Федорович Иванов.

Виктор Борисович Окунев.

Галина Петровна, его жена.

Секретарь Трубникова.

Место действия — большой университетский город.

Действие первое

Картина первая

Кабинет директора бактериологического института. Это большая комната в здании того типа, что строили в начале тридцатых годов: низкий потолок и громадное, почти в целую стену, окно. За окном виден серый кубический корпус, тоже постройки тридцатых годов, и угол нового строящегося дома. В кабинете довольно много мебели: шкаф, письменный стол с мягкими креслами возле него, длинный стол для заседаний, вокруг него жесткие кресла. В углу старый кожаный диван. В другом углу, позади письменного стола, несгораемый шкаф. На полу ковер. На стенах несколько грамот в массивных рамах и очень много фотографий, судя по сюжетам их, очевидно, демонстрирующих историю института. Выше фотографий, на той стене, где их особенно много, маленький плакатик с красиво выведенными цифрами: 1921—1946. Утро. Занавес открывается в ту минуту, когда директор

*института **Сергей Александрович Трубников** встает из-за стола для заседаний, чтобы закончить ежедневное утреннее совещание с руководителями отделов института. Трубников — высокий, сильно седеющий мужчина, на вид лет пятидесяти, гладко выбритый и довольно коротко подстриженный, с приятным, энергичным лицом еще не собирающегося стареть человека*

Трубников. Ну что же, если вопросов нет, то все могут быть свободны, вернее могут быть заняты своими делами. Начнем еще один рабочий день. Григория Ивановича прошу остаться.

*Все присутствующие — их шестеро — расходятся. Остается только **Григорий Иванович Рыжов**, тридцатилетний человек, невысокий, подвижный, с рыжеватыми волосами и чуть тронутым оспой красивым лицом.*

Рыжов. Что, Сергей Александрович?

Трубников. Садитесь. Сегодня ночью я снова думал о нашем с вами опыте. У меня возникли сомнения.

Рыжов. В чем?

Трубников. В двух вещах. Во-первых, начинать ли пробу прививок прямо с чумы? И, во-вторых, начинать ли с вас?

Рыжов. Я тоже думал. И у меня нет сомнений. Начинать подобный опыт на человеке у нас в институте мы с вами имеем право только с меня, как с секретаря парторганизации, или с вас, как с директора. Целесообразнее с меня. Пусть лучше эти десять

дней карантина останется без меня мой отдел, чем без вас — институт. Относительно же чумы...

Трубников. Да, вот именно, относительно чумы, не вернее ли все же будет начать испытание наших прививок особо опасных инфекций по восходящей: сыпной тиф, туляремия и лишь в конце концов — ее величество чума. А?

Рыжов. Можно задать вам вопрос?

Трубников. Да.

Рыжов. Ваши ночные сомнения не касались принципов самого открытия?

Трубников. Нет, принципы непоколебимы, и успех несомненен!

Рыжов. Тогда, мне кажется, верней начать именно с чумы. Мы же с вами не можем каждый раз заражать себя самих и терять время на карантин. От этого пострадает работа. А когда я заражу себя чумой и благополучно останусь здоров, то мы получим после этого моральное право проверять менее опасные болезни на любом из желающих лаборантов. Кстати, партбюро получило уже шесть заявлений.

Трубников. Вы, как всегда, рассудительны и, как почти всегда, правы.

Рыжов. Ах, Сергей Александрович, какая там рассудительность, когда наш институт на пороге такого открытия, которое рано или поздно, но в конце концов сделает десятки болезней безопасными (*до-трагивается до своего лица*), как уже давно безопасна эта оспа! Я дрожу от волнения всякий раз, как только подумаю об этом!

Трубников. Этого, однако, не видно по вас.

Рыжов. Я сдерживаюсь. *(Пауза.)* Я пошел, мне пора начинать.

Трубников. Жаль, что вы решили приступить к опыту сегодня. Я хотел позвать вас на маленькое семейное торжество. Сегодня ночью приехала Лена.

Рыжов. Леночка?

Трубников. Вы, помнится, дружили с ней до войны?

Рыжов. Да. Теперь мне особенно жаль, что мы с вами не можем отложить опыт, если хотим, чтобы он закончился еще в этом году.

Трубников. Да, вы правы. Сегодня двадцать первое декабря...

Рыжов. А в десять утра тридцать первого я буду стоять здесь перед вами.

Трубников. А там и Новый год.

Рыжов. А там и Новый год. Ну...

Трубников. Погодите, мне все хочется еще что-то сказать вам. Ведь все-таки...

Рыжов. Не надо, Сергей Александрович! Мне всегда нравилось ваше спокойствие накануне любых опытов. А я ведь ваш ученик. Ну...

Трубников *(протягивая ему руку)*. Вы правы. Помните, что я абсолютно спокоен за препарат. Иначе я это сделал бы сам.

Рыжов. Я тоже не буду волноваться ни минуты.

Трубников *(улыбнувшись)*. Будете сдерживаться?

Рыжов. Нет, просто не буду волноваться. До свидания.

Трубников. До свидания, Григорий Иванович.

Провожает его до двери. Рыжов выходит. Трубников, взглянув на часы, садится за письменный стол и надевает очки. Стук в дверь.

Да.

Входит Федор Федорович Иванов. Мы его уже мельком видели в начале картины. Это среднего роста худощавый человек. У него очень коротко, под «бокс» подстриженные волосы, медного загара лицо и шея и быстрая, порывистая походка. На вид ему под пятьдесят. Поверх костюма он в расстегнутом медицинском халате.

Иванов. Я на пять минут. Неотложное дело.

Трубников. Я к вашим услугам, Федор Федорович. Но, простите Бога ради, за одно замечание...

Иванов. Халат?

Трубников. Да. Я третий год покорнейше прошу товарищей профессоров подавать всем пример и не ходить в этот корпус в халатах. Не превращайте мой кабинет в лабораторию.

Иванов. Хорошо. Я постараюсь посещать ваш кабинет возможно реже. Кстати, он мне не нравится.

Трубников. Вот как! Чем же?

Иванов. Слишком большой письменный прибор на столе и слишком много ваших фотографий на стенах.

Трубников. Хорошо. Завтра я добавлю несколько ваших. Не демонстрируйте своего дурного характера, я с ним знаком уже двадцать шесть лет. К делу!